

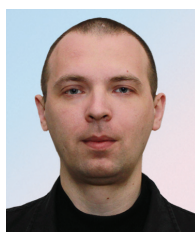
Качество жизни и человеческий потенциал территорий

DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.6

УДК 316.621 | ББК 60.524

© Морев М.В., Шматова Ю.Е.

К АКТУАЛЬНОСТИ ВОПРОСА О РОЛИ ДОВЕРИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

МОРЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

ШМАТОВА ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ueshmatova@mail.ru

Возрастающая роль человеческого капитала как фактора современной экономики выводит на новый уровень постановку вопроса о сохранении и укреплении здоровья населения. При этом среди различных видов здоровья отдельного внимания заслуживает здоровье социальное, что связано со специфическими характеристиками современного исторического этапа мировой цивилизации, в частности, с усилением роли неэкономических, субъективных факторов общественного развития. В зависимости от теоретического подхода к пониманию сущности социального здоровья его уровень могут отражать различные индикаторы. В том числе (с точки зрения социологического подхода) ими могут выступать параметры, характеризующие степень социальной активности

Цитата: Морев М.В., Шматова Ю.Е. К актуальности вопроса о роли доверия в формировании социального здоровья российского общества // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 88–106. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.6

Citation: Morev M.V., Shmatova Yu.E. On the relevance of the issue of the role of trust in forming social health of Russian society. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 88–106. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.6

¹ Статья подготовлена при частичной поддержке гранта РФФИ № 18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

населения, а также тесно связанный с ней уровень межличностного и институционального доверия. В работе представлены результаты многолетнего исследования динамики соответствующих показателей. Цель исследования заключалась в определении степени актуальности доверия в формировании социального здоровья для Российской Федерации в сравнении с ведущими странами Европы и мира. При этом следует отметить, что рубежность современного исторического периода накладывает особую ответственность на ключевых участников геополитической конкуренции, поскольку именно они должны инициировать ответ человечества на глобальные вызовы будущего. Эмпирическую базу исследования составили данные международных (*The European Social Survey, Edelman Trust Barometr*) и региональных (мониторинг общественного мнения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук») опросов населения. Полученные результаты позволяют говорить о низком уровне доверия в российском обществе, что обусловлено комплексом причин и оказывает негативное влияние на состояние социального здоровья, выступает барьером в реализации приоритетных задач национального развития, озвученных Президентом в Послании Федеральному Собранию в 2018 году.

Социальное здоровье, социальная активность, межличностное и институциональное доверие, приоритеты национального развития.

На разных этапах постсоветского периода российской истории задача сохранения и укрепления общественного здоровья была актуальной по разным причинам. Если 15 лет назад речь шла о глубоком демографическом кризисе и вопросе выживания нации, то сегодня общественное здоровье рассматривается как необходимый фундамент реализации человеческого капитала и трудового потенциала, которые лежат в основе современной экономики и решительного прорыва, анонсированного Президентом в Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 года, «человеческий фактор выделяется в качестве основы ускорения социального и экономического развития государств, регионов» [1, с. 8].

Не случайно, озвучивая ключевые целевые установки развития на период до 2024 года, глава государства подчеркнул, что «в основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв»².

Однако общественное здоровье – понятие комплексное и различные его компоненты требуют индивидуального подхода к изучению, профилактике, разработке методов диа-

гностики и т. д. В Уставе Всемирной организации здравоохранения, например, здоровье трактуется как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». При этом под физическим здоровьем понимается текущее состояние функциональных возможностей организма. Психическое здоровье рассматривается как состояние психической сферы человека, которое характеризуется душевным комфортом и обусловлено потребностями биологического и социального характера, обеспечивает адекватное регулирование поведения. Социальное здоровье понимается как система ценностей, установок и мотивов поведения в социальной среде³.

По мнению некоторых экспертов, таких как компонентов гораздо больше и можно выделить биологический, демографический, экологический, репродуктивный, эмоциональный и другие элементы общественного здоровья [2, с. 11]. Однако, так или иначе, социальное здоровье является отдельным предметом исследования, и в последние годы на него все чаще обращают внимание ученые. Связано это, на наш взгляд, как минимум с

² Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

³ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения: принят 22 июля 1946 г. URL: <http://base.garant.ru/2540328>

двумя обстоятельствами. Во-первых, с «рубежным характером»⁴ XXI века: по мнению многих ученых, наблюдается кризис капитализма и либеральной демократии [3], сопровождающийся актуализацией глобальных вызовов будущего. «Экспансия терроризма и вооруженные конфликты на Ближнем Востоке; новый этап холодной войны Запада с Россией; «великое» переселение народов и провал политики мультикультурализма; кризис либеральной демократии и концепций международного права; ослабление национальных государств в результате политики расширения наднациональных корпораций, налоговой конкуренции и утечки капиталов; кризис политической и экономической интеграции в рамках ЕС, усиливающий экономическое неравенство общеевропейского рынка и отодвигающий на периферию страны Юго-Восточной и Центральной Европы; экологический кризис как фундаментальная проблема современной цивилизации» [4, с. 136] – все эти явления ярко характеризуют XXI век. Поэтому неслучайно современную мировую цивилизацию со второй половины 80-х гг. прошлого столетия называют «обществом опасностей и катастроф» [5], обществом, «в котором безопасность поднята до уровня центральной ценности» [6]; «обществом риска, постоянно балансирующим на грани безопасности и ненадежности» [7]. Современные ученые подтверждают эту точку зрения. «Важнейшим фактором экономического развития периода 2008–2016 гг. обозначена возросшая неопределенность, которая непосредственно связана с риском, генерирует разного рода вызовы, тем самым усложняя жизненные ситуации, вызывая у населения волнение и беспокойство, усиливает тревогу и различные страхи» [8, с. 66–67]. В этих условиях проблематика человеческих взаимоотношений и мировосприятия становится актуальной не столько на глобальном, сколько на индивидуальном уровне. Вторая фун-

даментальная причина актуализации роли социального здоровья носит эволюционный, исторический характер и заключается в усилении субъективного фактора общественного развития, под которым понимается не столько значимость реально происходящих процессов и явлений, сколько актуальность их восприятия, а также соответствующее поведение индивида как активного субъекта, трансформирующего социальную реальность. Социальная реальность, как определял ее основоположник феноменологической социологии австрийский философ Альфред Шюц, – это «общая сумма объектов и явлений социального мира, каким он представляется обыденному сознанию людей, живущих среди других людей и связанных с ними многообразными отношениями взаимодействия» [9]. Роберт Кинг Мертон говорил о том, что «люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но также – и иногда преимущественно – на значение, которое эта ситуация имеет для них. И когда они придают некое значение ситуации, их последующее поведение и некоторые последствия этого поведения определяются этим приписанным значением» [10].

Идеи гуманизма и самооценности человеческой личности, доминирующие в эпоху Возрождения, расцвет буржуазных отношений в XVII–XVIII вв., концепция гражданского общества в конце XVIII века, появление психологии как самостоятельной научной дисциплины во второй половине XIX века – это перечень исторически складывающихся инструментов, обеспечивших вектор актуализации роли субъективного фактора развития. XXI век пополнился небывалым развитием информационных технологий, обусловившим глобальность процесса коммуникации, многовариативность выбора мнений для каждого человека, а также существование такого явления, как «гибридная война», по сути, ставшего альтернативой «горячим» боевым действиям. «С появлением ядерного оружия стало понятно, что в глобальном конфликте не может быть победителя. Итог мог быть только один – гарантированное взаимное уничтожение. Получилось так, что человек в попытках соз-

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

дать все более разрушительное оружие сделал большую войну бессмысленной»⁵. Поэтому «сейчас возникли новые методы управления обществом – информационное управление, при котором поведение людей программируется сообщаемой им или скрывающейся от них информацией...» [11, с. 153].

Для России субъективный фактор особенно значим в силу вовлечения нашей страны в активные международные политические отношения. Немаловажную роль, на наш взгляд, играют также и особенности менталитета. Так, у русского человека на протяжении многих веков наибольшим авторитетом пользовались учителя, врачи, инженеры, ученые (а не предприниматели) как люди мыслящие и задающиеся вопросами бытия и справедливости. Даже «прообразом среднего класса в России, в отличие от западного мира, является не буржуазия, а интеллигенция»⁶.

Исключительную роль субъективного фактора отмечают не только российские и зарубежные социологи (М.К. Горшков [12], Ж.Т. Тощенко [13], П. Штомпка [14]). Не менее важна его роль и в экономике, ядром которой на рубеже XX–XXI вв. стала «экономика знаний», что нашло отражение в различных документах международного характера⁷. В целом «усложнение структуры общественного воспроизводства требует разработки новых моделей экономического роста, учитывающих влияние на него таких неэкономических ресурсов, как информация, физико-географические условия, институциональные структуры, массовидные духовно-психологические образования, качественный и производительный труд, качество жизни, уровень культуры, образования, профессиональных знаний и навыков, состояния здоровья, как-

компонентов человеческого капитала, на деле доказавших свою способность быть «мотиваторами» долгосрочного и стабильного экономического развития» [12, с. 46].

Два вышеуказанных обстоятельства (рубежный характер современного периода и возрастание роли неэкономических факторов развития) актуализируют роль социального и тесно с ним связанного психического здоровья. В некоторых случаях ученые отмечают, что «психическое и социальное здоровье очень близки и взаимозависимы, поэтому при изучении компонентов здоровья могут быть рассмотрены в едином ключе» [2, с. 7].

Социальное здоровье можно рассматривать с точки зрения различных подходов [15, с. 187–189].

Внутри медицинского подхода можно выделить два направления исследования социального здоровья. В первом основной акцент делается на внутренние характеристики человека: «социальное здоровье – это способность и возможность осуществлять биологические и социальные функции, реализовать свой потенциал, а также наличие условий и внутренней потребности к поддержанию своего здоровья» (А.В. Журавлев, М.М. Москвичев, Л.Г. Розенфельд, Я.В. Соколова, В.Н. Сорокун, И.Н. Тарасов, В.В. Тесленко); во втором – на внешних условиях: «социальное здоровье – это оптимальные, адекватные условия социальной среды, препятствующие возникновению социально обусловленных заболеваний, социальной дезадаптации и определяющие состояние социального иммунитета, гармоничное развитие личности в социальной структуре общества» (М.Л. Емельянова, Я.Я. Корнева, А.В. Литвинова, И.Х. Пикалов, Н.В. Сократов, В.Н. Феофанов) [16].

⁵ Выступление Президента РФ В.В. Путина на пленарной сессии XII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2015 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>

⁶ Скоробогатый П.В. Тревожный и лояльный / Эксперт. 2015. 24 окт. URL: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyj-i-loyalnyj>

⁷ World Development Report (1998/99): Knowledge for Development. The World Bank, 1999. URL: <https://clck.ru/EbfNL>; The New Knowledge Economy in Europe: A Strategy for Internationale Competitiveness and Social Cohesion. Ed. by M.J. Rodrigues, E. Elgar. Pbl., 2002. URL: <https://clck.ru/EbfPb>; Knowledge Economy II Forum «Implementing Knowledge Economy Strategies: Innovation, Life-Long Learning, Partnerships, Networks, and Inclusion». Helsinki, March 25–28, 2003. URL: <https://clck.ru/EbfQq>; Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: доклад Все-мирного банка. М., 2003; ЮНЕСКО. URL: <https://clck.ru/EbfTM>

В соответствии с психологическим подходом социальное здоровье рассматривается в неразрывной взаимосвязи с духовным и психическим здоровьем. Одним из наиболее значимых моментов является взаимоотношение человека и культуры, а также влияние этого взаимоотношения на психику человека, его психологические и социальные характеристики (А. Адлер, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, К.Г. Юнг). Кроме того, социальное здоровье в рамках представленного подхода раскрывается через смысловые ориентации человека (В. Франкл) и его потребности (А. Маслоу).

В рамках педагогического подхода социальное здоровье понимается как результат социализации личности (Г.М. Андреева, Аристотель, Дж. Кампанелла, М.Ф. Квинтилиан, Я.А. Коменский, Дж. Локк, И.И. Осипова, П.И. Пидкасистый, Платон, Е.Н. Пристupa, Ж.-Ж.Руссо, А.Н. Тесленко, К.Д. Ушинский и др.). Социализация при этом рассматривается как включение личности в систему общественных отношений и самостоятельное воспроизводство индивидом этих отношений.

С точки зрения представителей социологического подхода (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, О. Конт, Р. Мертон, Т. Парсонс, Ф. Теннис, А. Токвиль и др.), в качестве основополагающей характеристики социального здоровья признается такое поведение членов общества, которое не нарушает общественного порядка и способствует их активному приспособлению к изменяющимся социальным условиям.

С понятием «здоровье» (отсутствие болезни) тесно связана и категория «нездоровья» (болезнь). Н.М. Римашевская отмечает, что «социальное нездоровье населения проявляется в катастрофическом росте аномалий и асоциального поведения: алкоголизме; наркомании, особенно среди молодежи; криминализации социальной среды; резком увеличении числа самоубийств» [17].

Вопрос о том, как социальное нездоровье отражается в динамике социальных патологий и различных критериях общественного психического здоровья, мы неоднократно затрагивали в предыдущих статьях [18; 19; 20; 21], поэтому в данном материале реши-

ли акцентировать внимание на его социальной составляющей, тем более что на ней все чаще акцентируют внимание современные ученые, причем из самых разных областей знаний:

– по мнению Т.Б. Соколовой, «социальное здоровье как характеристика общества – это степень, в которой индивид вовлечен в социальные отношения. А социальное здоровье индивида на личностном уровне – это удовлетворенность человека этими отношениями» [22, с. 20];

– К.В. Голубкиной «социальное здоровье определяется как количество и качество межличностных связей индивидуума и степень его участия в жизни общества» [23];

– Колпина Л.В. трактует социальное здоровье как «взаимоотношение социального субъекта с социальной средой, детерминируемое его индивидуальными особенностями и социальной ситуацией» [24, с. 55];

– «сущностный момент социального здоровья, по мнению д-ра филос. наук Т.Б. Сергеевой, – наличие социальных контактов, а важнейший признак – организация устойчивого гармоничного взаимодействия личности с социумом»⁸;

– Е.Н. Пристupa говорит о том, что «поведение является первым показателем нормы или аномии социального здоровья человека. Основным механизмом формирования социального здоровья личности является социальная адаптация. Помимо социальной адаптации формирование социального здоровья обусловлено процессами социализации, инкультурации, социальным воспитанием» [25];

– З.М. Кузнецова подчеркивает, что «основной акцент специфики рассмотрения социального здоровья – полноценное выполнение человеком своих социальных функций. Само социальное здоровье определяется как количество и качество межличностных связей индивидуума и степень его участия в жизни общества» [26];

⁸ Сергеева Т.Б. Социальное здоровье человека: философский аспект: учеб. пособие. Ставрополь: СГМА, 2003. 29 с.

– Э.М. Зайнутдинова⁹ и Е.П. Какорина [27] подразумевают под социальным здоровьем меру социальной активности, деятельного отношения человека к миру;

– Н.А. Чентемирова отмечает, что «социальное здоровье определяется социальной активностью человека, его профессиональными достижениями, высокой коммуникативностью, широким кругом общения, наличием взаимопонимания, социально-психологической поддержки» [28].

В соответствии с вышеуказанными представлениями о социальном здоровье его индикаторами выступают не только социальные патологии, но и характер социальной активности населения, основным фактором формирования которой является уровень межличностного и институционального доверия. Категория «доверие» является важным условием социальной коммуникации, обеспечивающим согласие, диалог, понимание, сотрудничество. В современном социальном познании появились работы, интегрирующие знания различных наук о такой социально-этической категории, как доверие. Остановимся на этом более подробно.

Этимологически «питать доверие» (лат. «credo») означает «сердце даю» или «сердце кладу». В психологическом словаре В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова доверие – это аффективное предвосхищение и оценка смысла событий¹⁰. Оно в существенной своей части относится к эмоциональной, т. е. плохо рационализируемой, сфере психики. Доверие способно породить многие другие чувства (от любви до ненависти), состояния (от комфорта до стресса и фрустрации), социальные установки (от приятия до отторжения). Все это, несомненно, влияет на состояние психического и социального здоровья граждан.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона доверие – это «психическое состояние, в силу которого мы полагаемся на какое-

либо мнение, кажущееся нам авторитетным, и потому отказываемся от самостоятельного исследования вопроса, могущего быть нами исследованным».

Актуальным изучением категории «доверие» было на протяжении всей истории человечества начиная с философов и мыслителей Древней Греции (Аристотель, Перикл), в Древнем Китае (Конфуций, Шая Ян). Позже феномен доверия рассматривали в своих трудах Николо Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Руссо, И. Кант и др. В конце XIX – первой половине XX века к теме доверия обращаются уже упомянутые ранее европейские и американские социологи (Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Дж. Коулмен, П. Блау, М. Вебер и др.). Значительное влияние оказал бихевиоризм и в частности теория игр (Джон фон Нейман, Оскар Моргенштерн, Роберт Аксельрод) [29], получившая свое развитие в политологии [30], конфликтологии [31], экономике [32]. Вторая мировая война и последующие за ней изменения в мире («холодная война», развитие международных правовых организаций) обусловили интерес к политическим аспектам доверия, что нашло отражение в работах зарубежных (Ч. Кегли, Г. Раймонд [33], Ч. Липсон [34], А. Кидд [35], А. Хоффман [36], С. Кониордос [37], М. Сини [38]) и отечественных (Ю.А. Борко [39], О.В. Буторина [40], В.Л. Иноземцев¹¹, М.Л. Энтин [41]) ученых. С 70-х гг. XX века к проблематике этической оценки доверия в глобализирующемся мире обращаются Н. Луман [42], А. Селигмен [43], Ф. Фукуяма [44], Б. Миштал [45], П. Штомпка [46], Р. Хардин [47], У. Бек, О. Моргенштерн, Дж. Нейман, Х. Райфа и др.

Как мы видим, на протяжении всей истории становления мировой цивилизации всегда находились специфические факторы, обуславливавшие интерес к данной теме. П. Штомпка выделяет ряд специфических характеристик общества модерна, которые особенно актуализируют проблему социального доверия в современном мире [46]:

⁹ Зайнутдинова Э.М. Основы физиологии человека: учеб. пособие. Уфа: УГНТУ, 2006. 105 с.

¹⁰ Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. 4-е изд. М.: ВІВЛІО, 2014. 816 с.

¹¹ Иноземцев В.Л. Европа, Америка, Россия: центр и окраины. URL: <http://www.c-society.ru/main.php?ID=376709>

1) современный мир зависит от все более целенаправленных человеческих усилий; все больше людей занимают активную позицию по отношению к будущему;

2) растет взаимозависимость мира, необходимость сотрудничества, что, в свою очередь, увеличивает сферу непредсказуемости и неопределенности;

3) социальная жизнь наполняется новыми и более масштабными угрозами и рисками человеческой деятельности: расширяются условия для катастрофических ошибок, опасных сопутствующих эффектов;

4) современный мир предлагает невероятные возможности во всех проявлениях жизни, в итоге наши решения и действия наших партнеров становятся все менее предсказуемыми;

5) огромные сегменты социального мира стали непрозрачными не только для обычных людей, но и для экспертов;

6) растет анонимность тех лиц, от чьих действий зависит наше благосостояние и существование;

7) увеличивается число «чужаков», непривычных людей в нашем окружении (миграции, туризм, путешествия).

Каждая из этих характеристик современности предполагает необходимость доверия. Оно появляется в случае неопределенности и неконтролируемости будущего и становится способом примирения со сложностью будущего, порожденного технологией [46].

П. Штомпка выделяет семь видов доверия:

1) личное доверие к индивидам, с которыми мы вступаем в прямые контакты, включая «виртуальное» личностное доверие;

2) категориальное доверие (пол, раса, возраст, религия, благосостояние);

3) позиционное доверие/недоверие определенным социальным ролям (мать, доктор, друг и т. п.);

4) групповое (футбольная команда для фанатов, студенческая группа для профессора);

5) институциональное (школа, университет, церковь, банк и т. п.), включая «процедурное» доверие институциональным практикам и процедурам как веру в то, что следование

им принесет наилучшие результаты (доверие науке, демократии, свободному рынку);

6) коммерческое (продукция определенного рода, страны-производителя, фирмы, автора);

7) системное (к социальным системам, порядкам и режимам).

Рассматривая категорию «доверие» в рамках изучения проблемы социального здоровья можно выделить несколько важных направлений ее изучения:

1. Доверие как психологическая основа общения

Современную психологическую природу доверия как составляющей общения и коммуникации, как социального поведения, организационного поведения, профессионально компетентного поведения отражают работы таких авторов, как К. Ясперс, К. Хорни, Э. Фромм, Э. Эриксон, А. Маслоу, С. Московичи, К. Роджерс, В. Франкл, Дж. Роттер, В.П. Зинченко, Т.П. Скрипкина, А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев и др.

По определению Т.П. Скрипкиной, доверие – это способность человека априори наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и собственные предполагаемые действия свойствами безопасности (надежности) и ситуативной полезности (значимости). Доверие есть субъективный феномен личности¹². В современной науке феномен доверия рассматривается как динамическое образование, которое формируется в раннем возрасте и позже приобретает новые характеристики и включается в различные сферы жизни и деятельности субъекта. Э. Эриксон [48] полагал, что степень развития доверия у ребенка к себе, к другим людям и миру зависит от качества получаемой им материнской заботы. На основе доверия у него складываются позитивное отношение к себе, уверенность, активность, любознательность, адекватность в оценке своих потребностей и возможностей.

2. Доверие как основа безопасности и социального порядка

¹² Скрипкина Т.П. Психология доверия: учеб. пособие. М.: Академия, 2000. С. 86.

В социальных науках доверию отводится роль предпосылки формирования малых групп, важного фактора сотрудничества. Любая социальная система как целостность нуждается и в системном доверии между субъектами: «в действительности, без доверия не могут существовать даже сами общества» и «если бы не было доверия, то не могло быть никаких экономических операций» [49]. П. Блау отмечал, что доверие необходимо для стабильности социальных отношений. М. Вебер подчеркивал роль доверия в обмене товарами и услугами. Дж. Коулмен изучал доверие как факт социального обмена. А. Селигмен считал доверие «базовым компонентом всех длительных общественных отношений» [50, с. 61]. В своей книге «Проблема доверия» он интерпретирует доверие через ролевое поведение и взаимный обмен ресурсами [51].

С позиции экономики и социологии представлены следующие определения «доверия». Адам Смит толковал социальное доверие как естественное чувство индивида, К. Маркс – как противоположность отчуждению, А. Маршалл – как привычку, К. Эрроу – как атрибут морали, О. Уильямсон и М. Грановеттер – как институциональное доверие.

Петр Штомпка в обобщающей работе «Доверие: социологическая теория» [46] уточняет, что доверие – ожидание добродетельного поведения со стороны других по отношению к нам. Оно своего рода ставка в отношении будущих непредвиденных действий других. Понятие «недоверие» тоже предполагает ставку, но негативную. Когда потеряно бывшее доверие или рассеялось бывшее недоверие, наступает «безверие» как промежуточная фаза процесса построения/нарушения доверия.

Э. Дюркгейм пришел к выводу, что социальное доверие создается с помощью общественной моральной солидарности и конформности общим групповым символам. Ф. Теннис также делает вывод, что к доверию или недоверию ведет не только собственный, но и чужой опыт, т. е. авторитет, репутация личности как заслуживающей доверия или сомнительной, «об-

щение с которой требует осторожности» [52]. Доверие, по его мнению, возникает из симпатии, недоверие – из антипатии.

Социальное доверие как безопасность разрабатывали Н. Луман [53] и Э. Гидденс. Доверие, по мнению последнего, является базисной системой безопасности в социальном поведении и социальных взаимодействиях, радикальной онтологической надежностью, утраченной определенностью [54].

3. Доверие как отражение социального капитала

Доверие отражает актуальный и прошлый индивидуальный и социальный опыт, атмосфера доверия воспроизводит архетипы и задает нормы взаимоотношений. Доверие несет в себе социальную память. Через механизм доверия обеспечивается накопление социального капитала.

Э. Усланер считает, что уровень социального доверия играет решающую роль в структуре ресурсов социального капитала, является своеобразным «цементом» социальных связей [55]. Социальный капитал является отражением господствующей системы ценностей, в особенности, социального доверия. Оно, по мнению автора, выступает как моральный ресурс, который развивает кооперацию, заставляет людей активнее действовать в своих сообществах, вести себя морально и идти на компромиссы.

Э. Усланер выделяет два вида социального доверия, которые определяются характером социальных связей в социальном капитале актора:

- частное доверие (социальные связи устанавливаются преимущественно среди членов семьи и близких знакомых);
- обобщенное доверие (акторы готовы идти на контакты с незнакомцами).

Именно оно способствует поведению рационального риска. Обобщенное доверие, как отмечает Э. Усланер, «может сделать общество здоровым и состоятельным». И хотя доверие может и не производить богатство напрямую, оно все же, посредством толерантности, способствует увеличению торговли, что в итоге оборачивается еще большим процветанием.

Одним из главных уроков изучения экономической жизни, по мнению Ф. Фукуямы [56], является то, что благополучие страны, а также ее состязательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – присущим ее обществу уровнем доверия. Находясь в обществе с высоким уровнем доверия, человек меньше склонен максимизировать свои личные выгоды, то есть вести себя как «экономический человек», он в большей степени старается проявить себя как член группы, с которой у него выстроены доверительные взаимосвязи, ставит моральные принципы выше экономической выгоды, таким образом, в обществе накапливается социальный капитал.

П. Штомпка выделяет три уровня доверия: реляционный, психологический и культурный.

На реляционном уровне оказание доверия базируется на оценке информации о том, в какой мере участники отношения заслуживают доверия. На психологическом уровне корни доверчивости/подозрительности индивида – в личном опыте, связанном с социализацией, предыдущими отношениями в семье и в различных группах. Здесь основу доверия составляет индивидуальная, биографическая, генеалогия. Третий, культурный, уровень, также подразумевает генеалогическую основу, но уже другого масштаба, – коллективный, исторический опыт общества. Речь идет о культурах доверия как ценностно-нормативных системах, оказывающих независимое давление: или поощряя доверять другим и требуя быть заслуживающим доверия, или, наоборот, провоцируя недоверчивое отношение к другим. В культурах доверия преобладающие опыты аккумулируются и кодифицируются в правила. Р. Патнем также утверждает, что понятие доверия определяется «локальными культурными нормами» [57].

П. Штомпка полагает, что демократия благоприятствует «культуре доверия». В то же время само доверие является необходимой предпосылкой демократии, успешное функционирование которой предполагает

ряд моментов: коммуникация между гражданами; толерантность; замена конфликта и борьбы компромиссом и консенсусом; некоторый уровень цивилизованности в ходе общественных диспутов; активное участие граждан в жизни общества; высокий образовательный уровень граждан [46].

Э. Усланер также отмечает, что демократические общества – это общества доверия. Еще Р. Патнем писал, что в обществах с высоким социальным капиталом индивиды охотнее участвуют в гражданской жизни и принимают активное участие в деятельности общественных организаций [57]. В тоталитарных сообществах индивиды вынуждены подчиняться жестким правилам, и акторы, будучи не до конца уверенными в том, является ли их сосед агентом государства, меньше стремятся доверять друг другу. Наследием тоталитарных режимов и стала концентрация высокого уровня доверия внутри семьи. В авторитарных режимах акторы уже доверяют более широкому кругу лиц, однако только в демократиях, хотя и не во всех, можно обнаружить высокий уровень доверия незнакомцам [58].

Таким образом, доверие представляет собой комплексный феномен, пронизывающий все уровни социального взаимодействия – от ближайшего окружения индивида до общественных организаций и властных структур. Являясь элементом установок индивидуального и общественного сознания, доверие с определенной степенью вероятности реализуется в поведенческих практиках. Так, на уровне взаимодействия индивидов доверие реализуется через традиционные практики взаимопомощи и товарищества, на следующем уровне объективируется в доверии общественным институтам, на самом высоком уровне реализуется через доверие государству [59]. Рост межличностного и институционального доверия в обществе влечет повышение социальной активности граждан (а значит, способствует улучшению психического и социального здоровья) и стимулирует экономическое развитие.

Рассмотрим динамику институционального и межличностного доверия на примере

конкретного региона – Вологодской области, являющегося по своим ключевым характеристикам типичным субъектом Российской Федерации [60; 61], причем на 98% состоящим из русского населения.

Результаты мониторинга общественного мнения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (далее – ВолНЦ РАН)¹³ позволяют говорить о том, что на характер институционального доверия россиян во многом влияет социокультурный фактор. Так, в структуре институтов, пользующихся наибольшим доверием, доминируют традиционные для российского менталитета субъекты – государство (прежде всего президент), армия (а также силовые структуры), церковь (табл. 1). При этом следует отметить,

что полученные на региональном уровне данные коррелируют с результатами общероссийских социологических опросов¹⁴.

В свою очередь, низкий уровень доверия банковским и предпринимательским кругам во многом связан с их дискредитацией в период «лихих 90-х», а также с ментальной особенностью россиян, заключающейся в трудности восприятия инноваций. Относительно низкий уровень доверия общественным институтам вызван, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, круг наиболее актуальных для населения вопросов не лежит в плоскости компетенции. Так, по данным проведенных нами исследований, на протяжении последних 20 лет для вологжан среди проблем стабильно лидировали инфляция, низкий уровень жизни, бедность и расслоение

Таблица 1. Уровень доверия государственным и общественным институтам, % от числа опрошенных*

Вариант ответа	Год											
	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Президент РФ	57,1	53,1	54,4	62,0	65,2	56,8	45,7	47,0	57,0	60,6	62,0	59,6
Церковь	42,3	35,4	42,9	42,9	51,9	47,0	41,4	43,9	44,7	43,7	47,1	47,4
Правительство РФ	42,7	33,8	35,2	42,1	60,2	52,4	39,6	40,4	48,3	49,4	48,8	46,0
Армия	37,0	28,5	27,1	29,6	37,8	34,5	31,3	37,5	37,8	42,0	43,9	45,1
ФСБ	34,2	25,8	28,4	35,3	43,8	36,0	33,2	37,5	36,4	39,6	40,6	43,6
Полиция	27,2	22,3	23,7	29,0	36,5	32,7	29,3	33,7	35,4	40,2	41,7	43,0
Прокуратура	30,9	21,7	28,8	33,3	40,9	36,1	33,9	40,1	38,5	40,9	40,3	42,9
Суд	31,6	24,7	31,0	35,5	41,3	37,4	36,1	39,3	36,9	40,5	39,3	42,7
Совет Федерации	28,3	21,7	27,1	34,3	47,6	38,1	32,3	34,6	40,2	40,2	39,3	37,5
Государственная Дума	23,0	18,2	26,0	27,9	42,0	33,5	30,5	31,6	35,2	34,0	33,0	34,1
Руководство области	31,3	23,2	30,0	37,7	48,6	41,0	34,6	37,8	37,4	36,9	38,5	34,0
Органы местного самоуправления	н. д.	н. д.	н. д.	26,6	40,9	35,6	29,3	32,7	35,1	34,5	33,3	32,4
Общественная палата РФ	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	27,3	28,1	29,9	32,8	32,5	32,1	31,7
Профсоюзы	28,4	22,4	26,5	27,4	35,9	29,9	25,6	27,8	26,6	26,5	28,1	29,9
СМИ	30,2	29,6	31,8	30,4	27,5	28,7	28,7	29,5	28,0	26,6	25,7	27,8
Общественная палата области	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	24,8	25,4	29,2	29,4	29,5	28,0	27,0
Общественные организации	–	–	–	20,0	32,6	26,7	26,5	26,8	25,5	23,8	24,2	25,8
Директора, руководители предприятий	19,6	17,4	21,5	26,5	30,5	22,8	25,1	27,5	21,9	20,2	20,5	22,8
Политические партии	20,4	11,6	18,5	16,0	17,6	20,0	22,8	20,9	20,2	17,0	18,1	20,1
Банковские, предпринимательские круги	12,4	10,7	17,6	22,6	26,6	21,5	21,3	23,4	18,8	16,5	17,2	19,0

* Вопрос задавался в 1996 году, регулярно задается с 2000 года. Ранжировано по 2017 году.
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

¹³ Мониторинг проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашиваются 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

¹⁴ Институциональное доверие: пресс-выпуск. Левада-Центр. 2016. 13 октября. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2>

ние на «бедных» и «богатых». Во-вторых, уровень развития гражданского общества в России (в частности, таких организаций, как Общественная палата и Общероссийский народный фронт) пока не позволяет его институтам оказывать существенное влияние на управленческие решения, принимаемые органами власти.

Характеризуя динамику межличностного доверия, следует отметить, что за последние 8 лет существенных улучшений в данном вопросе не наблюдалось: около четверти населения не доверяет никому, две трети – лишь «самым близким друзьям и родственникам» (табл. 2). В соответствии с результатами региональных исследований в динамику межличностного доверия не внесли существенных изменений даже события «крымской весны», хотя наши опросы показали, что в 2014 году (по сравнению с 2013 годом) в области почти в 2 раза увеличилась доля жителей, считающих, что «сегодня в стране больше согласия и сплоченности, чем несогласия, разобщенности» (с 14 до 29%), и на 12 п. п. (с 43 до 55%) возрос удельный вес тех, кто готов объединяться ради достижения общих целей (это рекордные показатели за весь период исследований – с 2011 по 2018 год).

Можно ли назвать уровень институционального и межличностного доверия в России низким или он является типичным для современных государств, которые так или иначе также сталкиваются с многочисленными негативными последствиями глобальных

трансформаций, происходящих в XXI веке (об этом, в частности, свидетельствует неудовлетворенность населения эффективностью государственного управления, признаками чего стали брекзит Великобритании и победа Д. Трампа на президентских выборах в США)?

На этот вопрос помогают ответить межстрановые сравнения. Согласно исследованиям компании Edelman¹⁵, общий уровень доверия в большинстве стран имеет тенденцию увеличения (табл. 3). За период с 2012 по 2018 год интегральный индекс доверия возрос в 16 из 26 государств, в том числе в России (с 30 до 36 пунктов). Тем не менее по данному показателю Российская Федерация занимает последнее место, лишь немногим уступая Японии (37 п.). Лидером же по интегральному индексу доверия в 2018 году (как и в 2012 году) является Китай (74 п.).

Согласно данным Европейского социального исследования¹⁶, за период с 2008 по 2016 год уровень доверия основным институтам также увеличился в большинстве стран Старого Света, в том числе в России, где за последние 8 лет отмечается снижение уровня доверия только Организации Объединенных Наций (с 4 до 3 баллов; табл. 4). Однако нельзя сказать, что Российская Федерация принадлежит к числу европейских стран – лидеров по уровню институционального доверия.

В 2016 году Россия находилась на 11 (из 16) месте по уровню доверия Парламенту (в 2008 году – на 10); по уровню доверия судебной системе – на 14 месте

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год						
	2010	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5	53,4	55,7	61,1	64,2
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9	23,5	25,5	24,8
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2	12,6	11	10
Доверять можно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6	3,1	2,5	2,4	1

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

¹⁵ Ежегодное международное исследование Edelman Trust Barometr американской компании Edelman, изучающей международный уровень институционального доверия около 20 лет. В 2018 году объем выборки исследования составил 32200 человек, проживающих в 28 странах мира. В исследовании измеряется доверие правительству, бизнесу, масс-медиа и НКО.

¹⁶ Европейское социальное исследование (The European Social Survey) проводится с 2001 года с периодичностью 1 раз в 2 года (Россия участвует с 2006 года). Объем выборки – 1500–3000 чел. в возрасте 15 лет и старше.

Таблица 3. Интегральный индекс доверия институтам, пунктов*

Страна	2012 год	2017 год	2018 год	Изменение (+/-), 2018 год к	
				2017 году	2012 году
Китай	69	67	74	+7	+5
Индонезия	54	69	71	+2	+17
Индия	55	72	68	-4	+13
ОАЭ	57	60	66	+6	+9
Сингапур	62	60	58	-2	-4
Мексика	56	52	54	+2	-2
Нидерланды	48	53	54	+1	+6
Малайзия	53	48	53	+5	0
Канада	51	49	49	0	-2
Аргентина	49	45	47	+2	-2
Колумбия	-	50	47	-3	0
Испания	36	44	47	+3	+11
Турция	-	43	46	+3	-
Гонконг	53	44	45	+1	-8
Бразилия	46	48	44	-4	-2
Южная Корея	39	38	44	+6	+5
Италия	47	48	43	-5	-4
США	40	52	43	-9	+3
Германия	34	41	41	0	+7
Швеция	36	37	41	+4	+5
Австралия	40	42	40	-2	0
Франция	36	40	40	0	+4
Польша	38	35	39	+4	+1
Великобритания	35	40	39	-1	+4
Ирландия	34	36	38	+2	+4
ЮАР	-	42	38	-4	-
Япония	32	35	37	+2	+5
Россия	30	34	36	+2	+6
Среднее значение	45	47	48	+2	+3

* Ранжировано по 2018 году.

Источник: 2018 Edelman Trust Barometr: global report.

Таблица 4. Показатели институционального доверия, баллов

Страна	Парламент		Судебно-правовая система		Полиция		Политики		Политические партии		ООН	
	2008 год	2016 год	2008 год	2016 год	2008 год	2016 год	2008 год	2016 год	2008 год	2016 год	2008 год	2016 год
Бельгия	4,9	4,8	4,9	5,3	6	6,4	4	4,1	4	4	5,3	5,3
Великобритания	4,3	4,7	5,2	5,9	6,2	6,7	3,6	3,7	3,6	3,8	3,6	5,3
Ирландия	3,8	4,5	5	5,5	6,5	6,2	3,2	3,7	3,3	3,7	4,7	5,7
Германия	4,7	5,3	5,8	6,2	6,8	7,1	3,5	4,2	3,5	4,2	4,3	4,9
Израиль	3,8	4,1	5,4	5,4	4,8	5,2	2,9	3,1	3	3,1	3,9	2,8
Нидерланды	5,6	5,6	5,9	6,2	6,3	6,7	5,2	5,1	5,2	5,2	5,1	5,7
Норвегия	5,8	6,8	6,8	7,4	7	7,4	4,6	5,4	4,8	5,5	5	6,8
Польша	3	3,4	3,9	4	5,1	5,7	2,3	2,5	2,3	2,4	4,5	4,9
Россия	3,9	4,3	4,1	4,4	3,7	4,4	3,3	3,6	3,2	3,6	4	3
Словения	4,4	3,3	4,3	3,6	5	6	3,4	2,4	3,4	2,5	4,8	4,3
Финляндия	6	5,7	7,1	7,2	8	8,2	4,9	4,7	5	4,8	5,2	6,4
Франция	4,5	4,1	5,1	5	5,8	6,4	3,5	2,9	3,4	2,8	4,6	4,9
Чехия	3,3	4,3	4,2	5,2	4,8	5,8	2,7	3,6	2,9	3,5	3,9	5
Швеция	5,7	5,9	6,1	6,2	6,6	6,7	4,6	4,7	4,8	4,8	4,7	6,2
Швейцария	5,8	6,3	6,4	6,6	6,9	7,2	4,9	5,4	4,7	5,2	5,6	5,2
Эстония	3,9	4,5	4,8	5,8	6,1	6,8	3,3	3,6	3,2	3,6	5	5,1

Источник: данные Европейского социального исследования (The European Social Survey).

(в 2012 году – на 15); полиции – на последнем 16 месте (как и в 2012 году); политикам – на 10 месте (в 2012 году – на 11); политическим партиям – на 10 месте (в 2012 году – на 12); ООН – на 15 месте (в 2012 году – на 14). Таким образом, из данных Европейского социального исследования также видно, что в целом для России характерен более высокий уровень доверия государству и силовым структурам, чем политическим партиям и международным организациям (что коррелирует с результатами исследования, проведенного нами на региональном уровне). При этом в сравнении с рядом ведущих стран Европы (Германия и Великобритания) Россия также не отличается высоким уровнем доверия.

Данные Европейского социального исследования позволяют сравнить Россию со странами Старого Света по уровню межличностного доверия. И в данном случае мы также видим, что наша страна входит в число аутсайдеров. Средний балл оценки¹⁷ при ответе на вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или даже излишняя

осторожность не помешает?» в России составляет 4,5 по десятибалльной шкале, ниже только у Словении (4,4 балла) и Польши (4,1 балла; табл. 5). Для сравнения, в 12 странах из 16 этот показатель выше 5 баллов (то есть приоритет в пользу доверия), а в некоторых странах (Норвегия, Финляндия, Швеция, Нидерланды и Швейцария) – 6 баллов и более (данные 2016 года). Однако стоит отметить тот факт, что излишняя бдительность населения дает свои плоды. При ответе на вопрос «За последние пять лет Вы подвергались насилию, становились жертвами грабежа?» наименьшее число положительных ответов наблюдается именно в Польше (10%), Словении (9%) и России (11%).

По аналогичной методике Россия занимает 14 место в Европе по балльной оценке при ответе на вопрос «Люди стараются помогать другим или они чаще всего заботятся о себе?» (4,7 б.), а также при ответе на вопрос «Большинство людей постарались бы Вас использовать или же люди постараются вести себя с Вами честно?» (4,5 б.).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или даже излишняя осторожность не помешает?»*

Страна	2008 год		2016 год		Изменение (+/-)	
	Средний балл	Место	Средний балл	Место	Средний балл	Место
Норвегия	6,6	1	6,8	1	0,2 ▲	0
Финляндия	6,4	2	6,8	2	0,3 ▲	0
Швеция	6,4	3	6,2	3	-0,1 ▼	0
Нидерланды	6,0	4	6,0	4	0,1 ▲	0
Швейцария	5,7	5	6,0	5	0,3 ▲	0
Эстония	5,4	7	5,7	6	0,3 ▲	1 ▲
Ирландия	5,5	6	5,6	7	0,1 ▲	1 ▼
Израиль	5,3	8	5,5	8	0,2 ▲	0
Германия	4,9	11	5,4	9	0,4 ▲	2 ▲
Великобритания	5,3	9	5,4	10	0,1 ▲	1 ▼
Бельгия	5,1	10	5,2	11	0,1 ▲	1 ▼
Чехия	4,8	12	5,1	12	0,3 ▲	0
Франция	4,5	13	4,6	13	0,1 ▲	0
Россия	4,0	16	4,5	14	0,5 ▲	2 ▲
Словения	4,3	14	4,4	15	0,1 ▲	1 ▼
Польша	4,1	15	4,1	16	-0,1 ▼	1 ▼
Среднее по 16 странам	5,3		5,5		0,2 ▲	

Источник: данные Европейского социального исследования (The European Social Survey).
 * Оценка по шкале от 0 до 10, где 0 баллов – даже излишняя осторожность не помешает, 10 баллов – большинству людей можно доверять. Приведены средние баллы. Ранжировано по данным 2016 года.

¹⁷ Методика расчета представлена на официальном сайте Европейского социального исследования. URL: <http://www.ess.ru> (дата обращения 29.07.2018).

Таким образом, данные международных исследований коррелируют с результатами национальных и региональных опросов и свидетельствуют о низком уровне институционального и межличностного доверия в России. Это отражается на социальной активности населения, что (как мы показали ранее) является одним из индикаторов социального здоровья.

Так, россияне стали реже общаться. По данным Европейского социального исследования, Россия занимает одно из последних мест в Европе по частоте общения людей со своими друзьями и родственниками (табл. 6). Это соотносится с результатами

опроса, проведенного нами в рамках гранта «Региональный социальный капитал в условиях социально-экономического кризиса»¹⁸: в случае возникновения проблемной жизненной ситуации лишь родственники или друзья становятся теми людьми, к которым люди готовы обратиться за помощью (так отмечают от 70 до 90% респондентов). Соседи по дому, коллеги, земляки, просто прохожие и многие другие категории уже не рассматриваются гражданами как возможная опора при возникновении жизненных трудностей (от 4 до 20%) [62, с. 111].

Следующий показатель социальной активности – участие населения в социально-

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы проводите время с друзьями, родственниками?»*

Страна	2008 год				2016 год				Изменение (+/-)			
	Не чаще одного раза в месяц или никогда	Несколько раз в месяц и чаще	Среднее – кол-во раз в неделю	Место	Не чаще одного раза в месяц или никогда	Несколько раз в месяц и чаще	Среднее – кол-во раз в неделю	Место	Среднее – кол-во раз в неделю		Место	
Швеция	8	92	2,9	3	8	91	3,3	1	0,4	▲	2	▲
Норвегия	8	92	3,2	1	8	92	3,3	2	0,1	▲	1	▼
Нидерланды	7	93	3,0	2	7	93	3,2	3	0,2	▲	1	▼
Франция	11	89	2,8	5	11	89	2,9	4	0,1	▲	1	▲
Израиль	13	87	2,9	4	15	85	2,7	5	-0,2	▼	1	▼
Бельгия	13	87	2,6	6	13	87	2,6	6	0,0		0	
Швейцария	10	90	2,5	7	12	88	2,5	7	0,0		0	
Финляндия	14	86	2,4	9	16	84	2,3	8	-0,1	▼	1	▲
Великобритания	19	81	2,5	8	21	78	2,2	9	-0,3	▼	1	▼
Германия	17	83	2,0	13	14	86	2,2	10	0,2	▲	3	▲
Чехия	20	79	2,1	11	15	85	2,2	11	0,0		0	
Словения	27	73	1,8	15	23	77	1,9	12	0,1	▲	3	▲
Ирландия	23	77	2,3	10	24	76	1,9	13	-0,4	▼	3	▼
Россия	30	68	2,0	14	34	63	1,6	14	-0,4	▼	0	
Эстония	30	70	2,0	12	32	67	1,5	15	-0,5	▼	3	▼
Польша	32	67	1,6	16	35	64	1,3	16	-0,3	▼	0	
Среднее по 16 странам	17,6	82,2	2,4		18,1	81,6	2,3		-0,1	▼		

* Ранжировано по данным 2016 года.

Не чаще одного раза в месяц или никогда = варианты ответов «Никогда» + «Реже, чем раз в месяц» + «Один раз в месяц».

Несколько раз в месяц и чаще = варианты ответов «Несколько раз в месяц, но не каждую неделю» + «Один раз в неделю» + «Несколько раз в неделю, но не каждый день» + «Каждый день».

Источник: данные Европейского социального исследования (The European Social Survey).

¹⁸ Опрос «Региональный социальный капитал» проводился в августе – сентябре 2017 года в трех городах Северо-Западного федерального округа (Псков и два города Вологодской области Вологда и Череповец). Было опрошено 900 респондентов старше 18 лет (по 300 человек в каждом населенном пункте). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением половозрастной структуры взрослого населения. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Опрос проведен за счет средств гранта РГНФ № 16-03-00188 «Региональный социальный капитал в условиях социально-экономического кризиса».

политической жизни. Это, в свою очередь, является важным условием усиления роли гражданского общества и общественного контроля как фактора повышения эффективности системы государственного управления. Результаты и международных, и национальных, и региональных исследований говорят также о том, что в России есть проблема в этой сфере.

По данным Европейского исследования, около 75% россиян говорят о том, что они не уверены в своей способности лично повлиять на решение тех или иных политических вопросов (больше только в Эстонии и Чехии – 80 и 83% соответственно; табл. 7). Для сравнения, в среднем по 16 анализируемым странам это мнение разделяют 64% людей, а в Германии, Норвегии, Швейцарии – около 43%. По данным исследований, проведенных на территории Вологодской области, 82% опрошенных считают, что не могут влиять на положение дел в области или в стране, 74% – на положение дел в своем муниципальном образовании.

Согласно тем же данным Европейского социального исследования (за 2016 год), страны, в которых население более остальных

уверено в своей способности принимать участие в политике, гораздо активнее делают это. Среди них наиболее высокие показатели голосовавших на последних выборах (88% в Швеции против 52% в РФ), обращавшихся к конкретному политику или общенациональным или местным органам власти (для сравнения, 24% – в Норвегии, 18% – в Германии и Великобритании, 6% – в России), подписывающих петиции, обращения и открытые письма (47% – в Швеции, 43% – в Великобритании, 39% – в Норвегии и лишь 10% – в России), публиковавших или делившихся в интернете материалами о политике (29–28% – в Норвегии, Швеции, Великобритании против 6% в нашей стране).

Таким образом, нами была рассмотрена триада «социальное доверие – социальная активность – социальное здоровье» с теоретической точки зрения, были изучены ключевые отечественные и зарубежные литературные источники, сделан исторический экскурс. В практической части работы были отражены базовые показатели доверия в разных странах, основанные на региональных, российских и международных социологических исследова-

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы уверены в том, что Вы лично способны участвовать в политике?»*

Страна	Совсем не уверен	Уверенности мало	Некоторая уверенность есть	В значительной мере уверен	Полностью уверен	Затрудняюсь ответить	Средний балл	Место
Германия	9	34	34	18	5	1	2,8	1
Норвегия	14	29	35	16	5	1	2,7	2
Швейцария	13	30	33	16	5	3	2,7	3
Швеция	20	29	33	14	3	1	2,5	4
Великобритания	27	31	27	11	3	0	2,3	5
Франция	24	39	29	5	2	1	2,2	6
Ирландия	33	30	26	8	3	1	2,2	7
Финляндия	23	48	20	8	1	0	2,2	8
Бельгия	37	34	23	5	1	0	2,0	9
Израиль	45	22	18	6	4	4	2,0	10
Польша	42	28	20	5	2	2	2,0	11
Нидерланды	45	26	22	5	2	0	1,9	12
Словения	42	33	20	3	2	1	1,9	13
Россия	47	27	17	4	2	3	1,8	14
Эстония	48	32	15	2	1	0	1,8	15
Чехия	55	28	12	2	1	2	1,6	16
Среднее по 16 странам	32,8	31,2	24,0	8,1	2,6	0,0	2,2	

* Ранжировано по среднему значению. Данные за 2016 год, в 2008 году вопрос не задавался.

Источник: Данные Европейского социального исследования (The European Social Survey).

ниях. В результате мы видим, что проблема институционального и межличностного доверия в России более чем актуальна. Причина столь пристального внимания обусловлена не только теоретической сложностью и исследовательским потенциалом указанного феномена, но и его объективной значимостью для интеграции социума, развития гражданского общества, накопления социального капитала, повышения социальной активности населения и, как следствие, укрепления социального здоровья общества и социально-экономического роста в стране.

Важно отметить, что озвученные Президентом РФ цели развития на ближайшую «шестилетку» носят достаточно амбициозный характер и их достижение без активизации роли общества как активного субъекта, ведущего конструктивный диалог с государством, на наш взгляд, не представляется возможным. Рост геополитического статуса Российской Федерации на протяжении последних лет выводит проблематику социаль-

ного здоровья за рамки вопросов внутреннего развития – на уровень обеспечения национальной безопасности в рамках геополитической конкуренции.

Это актуализирует постановку вопроса о факторах, влияющих на динамику межличностного и институционального доверия, чему будет посвящена одна из следующих статей. Забегая вперед, отметим, что они носят комплексный характер и связаны как с традиционными для переходного общества с рыночной экономикой особенностями, так и с исторической, социокультурной спецификой Российской Федерации, а также со спецификой российской трансформации последних десятилетий и с современными проблемами эффективности государственного управления. Некоторые из этих факторов нивелируются естественным образом по мере смены поколений, однако многие требуют целенаправленного вмешательства со стороны государства и других ключевых субъектов общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
2. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
3. Calhoun C., Derluigian G, Wallerstein I., Mann M., Collins R. *Does Capitalism Have a Future?* Oxford: Oxford University Press, 2013. 208 p.
4. Марков А.П. Современная цивилизация и глобальные вызовы будущего // Человек. 2017. № 6. С. 136–149.
5. Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne.* Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1986. 391 p.
6. Ewald F. Die Versicherugs – Gesellschaft. *Kritische Justiz*, 1989, no. 4, pp. 385–393.
7. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26–46.
8. Козырева П.М., Смирнов А.И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 65–78.
9. Schutz A. *Collected Papers I: The Problem of Social Reality.* Hingham, The Hague, 1962. 364 p.
10. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure.* Chicago: University of Chicago Press, 1986. 387 p.
11. Малинецкий Г.Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 152–161.
12. Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 45–56.
13. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики // СОЦИС. 1998. № 1. С. 21–34.

14. Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993. 348 p.
15. Цикалюк Е.В. Основные теоретические подходы к осмыслению сущности социального здоровья // Ученые зап. Забайк. гос. гуманит.-пед. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Серия «Философия, культурология, социология, социальная работа». 2010. № 4 (33). С. 185–190.
16. Максимова Т.М. Социальный градиент в формировании здоровья населения. М.: ПЕР СЭ, 2005. 240 с.
17. Римашевская Н.М. Русский крест // Природа. 1999. № 6. URL: http://vivovoco.astronet.ru/vv/journal/nature/06_99/russdemo.htm (дата обращения 13.09.2018).
18. Морев М.В., Попова В.И. Преодоление социальной дезинтеграции как фактор улучшения социального здоровья // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 4. С. 53–69.
19. Морев М.В. Социальное здоровье российского общества: криминологический аспект // Проблемы развития территории. 2011. № 4. С. 75–90.
20. Морев М.В. Социальное здоровье российского общества: тенденции и проблемы // Проблемы развития территории. 2014. № 5. С. 28–46.
21. Морев М.В., Шматова Ю.Е., Любов Е.Б. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект // Суицидология. 2014. Т. 5. № 1 (14). С. 3–11.
22. Соколова Т.Б. Здоровье населения в социальном контексте: дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2005. 169 с.
23. Голубкина К.В., Гришунова К.В. Влияние социума на психическое здоровье населения // Актуальные проблемы современной науки. 2014. № 1 (75). С. 83–85.
24. Колпина Л.В. Социальное здоровье: нормативная модель и реальность // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 3. С. 53–59.
25. Приступа Е.Н. Междисциплинарное теоретическое обоснование понятия «социальное здоровье» личности ребенка // Социальная политика и социология. 2007. № 2. С. 117–125.
26. Кузнецова З.М., Павлова С.В. Теоретические аспекты понятия «Здоровье» // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2007. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-ponyatiya-zdorovie> (дата обращения 13.09.2018).
27. Какорина Е.П. Социально-гигиенические особенности формирования здоровья населения в современных условиях: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1999. 48 с.
28. Чентемирова Н.А. Социология здоровья в российских условиях рынка медицинских услуг. М.: МАКС Пресс, 2006. 256 с.
29. Von Neumann J., Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton: Princeton University Press, 1944. 641 p.
30. Ordeshook P. *Game Theory and Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 527 p.
31. Shelling T.C. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, Massachusetts, 1963. 322 p.
32. Scherer F. *Industrial market structure and economic performance*. Chicago: Rand McNally & Co., 1971. 576 p.
33. Kegley Ch., Raymond G. *When trust breaks down: alliance norms and world politics*. Columbia: University of South Carolina Press, 1990. 337 p.
34. Lipson Ch. *Reliable partners: how democracies have made a separate peace*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 272 p.
35. Kydd A. *Trust and mistrust in international relations*. Princeton: Princeton University Press, 2005. 304 p.
36. Hoffman A. *Building trust: overcoming suspicion in international conflict*. Albany: State University of New York Press, 2005. 213 p.
37. Koniordos S. *Networks, trust, and social capital: theoretical and empirical investigations from Europe*. Oxford: Ashgate Publishing Ltd., 2005. 294 p.
38. Cini M. *European Union politics*. Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 237–250.
39. Борко Ю.А. Западная Европа: социальные последствия капиталистической интеграции. М.: Наука, 1975. 302 с.
40. Буторина О.В. Экономический и валютный союз ЕС в мире. Теория и практика // Доклады Института Европы. 2001. № 85. 163 с.

41. Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский Союз в 2004–2005 годах. СПб., 2006. 576 с.
42. Luhmann N. *Trust and Power*. New York: John Wiley and Sons, 1979. 225 p.
43. Seligman A.B. *The Problem of Trust*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997. 240 p.
44. Fukuyama F. *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: The Free Press, 1995. 457 p.
45. Misztal B. *Trust in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press, 1996. 296 p.
46. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. New York: Cambridge University Press, 1999. 214 p.
47. Hardin R. *Conceptions and Explanations of Trust*. New York: Russell Sage Foundation, 2001, pp. 193–216.
48. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
49. Hirsch F. *Social Limits to Growth*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976. 208 p.
50. Сравнительный анализ доверия в различных странах / М. Сасаки [и др.] // Социологические исследования. 2013. № 3 (347). С. 60–73.
51. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 21.
52. Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3 (4). С. 207–229.
53. Luhman N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Ed. by D. Gambetta. Oxford: University of Oxford, 2000, ch. 6, pp. 94–107.
54. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990, pp. 34–36.
55. Uslaner E.M. *Democracy and Social Capital*. Forthcoming in Mark Warren, ed., *Democracy and Trust*. New York: Cambridge University Press, 1999, ch. 5 (2), pp. 121–150.
56. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
57. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 288 p.
58. Uslaner E.M. *The Moral Foundations of Trust*. New York: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
59. Реутов Е.В., Колпина Л.В. Социальное доверие в региональном сообществе // Социология и жизнь. 2010. № 3. С. 40–48.
60. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. М.: Новый Хронограф, 2015. 600 с.
61. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты: монография / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 158 с.
62. Морев М.В. Глобальные угрозы и национальные особенности формирования социального капитала в России // Проблемы развития территории. 2018. № 2 (94). С. 106–119.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 379post@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-21.

Шматова Юлия Евгеньевна – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: ueshmatova@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-02.

ON THE RELEVANCE OF THE ISSUE OF THE ROLE OF TRUST IN FORMING SOCIAL HEALTH OF RUSSIAN SOCIETY

The increasing role of human capital as a factor in the modern economy brings to a new level the question of preserving and improving people's health. At the same time, among various types of health, social health deserves special attention, which is associated with the specific characteristics of the modern historical stage of world civilization, in particular, with the strengthening of the role of non-economic, subjective factors in social development. Depending on the theoretical approach to understanding the essence of social health, its level may reflect different indicators. In particular (from the point of view of the sociological approach) these indicators can include parameters characterizing the degree of social activity of the population, as well as the closely related level of interpersonal and institutional trust. The paper presents the results of a long-term study of the dynamics of the relevant indicators. The goal of the study is to determine the degree of relevance of trust in the formation of social health for the Russian Federation in comparison with leading countries of Europe and the world. At the same time, it should be noted that the frontier of the modern historical period imposes a special responsibility on the key participants of geopolitical competition, because they should initiate the response of mankind to the global challenges of the future. The empirical base of the study includes data from international (The European Social Survey, Edelman Trust Barometer) and regional (monitoring of public opinion conducted by Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences) surveys. The results obtained allow us to speak about the low level of trust in Russian society, which is due to a number of reasons and has a negative impact on the state of social health, acts as a barrier in the implementation of national development priorities set out by the President in his Address to the Federal Assembly in 2018.

Social health, social activity, interpersonal and institutional trust, national development priorities.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Morev Mikhail Vladimirovich – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Head of the Laboratory for Studies of Social Processes and State Administration Performance, Deputy Head of the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 379post@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Shmatova Yuliya Evgen'evna – Ph.D. in Economics, Junior Research Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: ueshmatova@mail.ru. Phone: +7 (8172) 59-78-02.